

Институт славяноведения РАН
Центр славяно-германских исследований

Н.А. Ганина

Крымско- готский язык

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

УДК 811.11(09)
ББК 81.2-03
Г19

Рецензенты:

Член-корреспондент РАН *Т. М. Николаева*
Доктор филологических наук, профессор *Е. Р. Сквайрс*

Ответственный редактор серии *Ф. Б. Успенский*

Ганина Н. А.

Г19 Крымско-готский язык. — СПб. : Алетейя, 2011. — 288 с., ил. —
(Серия «Славяно-германские исследования», т. V).

ISBN 978-5-91419-419-9

В монографии представлен всесторонний анализ бытования, письменной фиксации и структурных уровней одного из германских реликтовых языков — крымско-готского. Этот язык совершил уникальный исторический путь — от проникновения германцев в Северное Причерноморье в конце III в. до письменной фиксации стараниями О. Г. де Бусбека во второй половине XVI в. Пребывание готов в Крыму — обширная проблема, до сих пор не получившая должного интердисциплинарного освещения. В данном исследовании обобщаются как историко-археологические, так и лингвистические аспекты крымско-готской проблемы, а также решаются вопросы, являющиеся смежными для истории, лингвистики и краеведения. Книга предназначена для историков, филологов и всех, кто интересуется историей древних германцев и Крыма.

УДК 811.11(09)
ББК 81.2-03

ISBN 978-5-91419-419-9

9 785914 194199

© Ганина Н. А., 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
© «Алетейя. Историческая книга», 2011

... Расскажам волн кочующих внимая;
А море Черное шумит не умолкая.
М. Ю. Лермонтов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Крымско-готский язык известен по единственной письменной фиксации, осуществленной в 1560–1562 гг. фламандским дипломатом-гуманистом Ожье Гисленом де Бусбеком. Пребывание готов в Крыму — обширная проблема, с давних пор привлекающая внимание ученых. Так исторически сложилось, что в России всегда был наиболее известен ее историко-археологический аспект, тогда как западноевропейская наука сосредоточилась на интерпретации реликтов крымско-готского языка. Однако специфика крымско-готской проблемы этим не ограничивается.

Еще в конце XX века, когда эта работа только задумывалась, было очевидно некоторый разрыв между источниками, сообщающими о готах в Крыму, и данными археологии. Свидетельства источников излагались в обобщающих работах (ср. [Васильев 1921, 1927, Vasiliev 1936]), а результаты раскопок и мнения археологов — в отдельных публикациях, требующих последующей оценки специалистов. Сейчас мы наконец располагаем целым рядом обобщающих трудов [Айбабин 1999, Харитонов 2004, Шукин 2005], по которым вполне можно судить о состоянии крымско-готской археологии. Однако разрыв между историко-археологической и филологической областью по-прежнему не преодолен. Историки не обращаются к подробному анализу крымско-готского языка — ср. обширные труды Х.-Ф. Байера и М. Б. Шукина [Байер 2001, Шукин 2005], где по вполне понятным причинам лингвистические проблемы не затрагиваются. Однако без рассмотрения крымско-готских лексических данных сумма наших знаний о крымских готах всегда будет неполной. В свою очередь, филологи, анализирующие крымско-готский язык, весьма смутно представляют себе основные достижения крымской археологии. В лучшем случае дело ограничивается анализом источников, а поскольку до сих пор крымско-готским языком детально занимались лишь зарубежные филологи, то указания на источники обычно приводятся по нескольким известным исследованиям (в частности, [Loewe 1896, Vasiliev 1936]).

Аспекты крымско-готской проблемы, являющиеся смежными для истории, лингвистики и краеведения, также разработаны недостаточно. Даже в крупных работах, посвященных крымско-готскому языку [Stearns 1978, Grønvik 1983], остается без обсуждения проблема наличия или, наоборот, отсутствия

германских реликтов в крымской топонимике и ономастике (хотя эта тема была рассмотрена О. Н. Трубачевым [Трубачев 1989, Трубачев 1999]).

Таким образом, исследование крымско-готских языковых реликтов представляет значительный междисциплинарный интерес.

Имеющиеся в настоящее время лингвистические интерпретации крымско-готского материала также требуют нового обсуждения и дополнения по целому ряду позиций. После труда М. Стернса [Stearns 1978], основополагающего в этой области, появился целый ряд новых трактовок материала — от новых этимологий, предложенных в разных работах О. Н. Трубачева (ср. [Трубачев 2004]), до крайне дискуссионной книги О. Грёнвика [Grønvik 1983]. Многие вопросы крымско-готской этимологии и фонетики до сих пор остались нерешенными, и новые трактовки материала предлагаются в настоящей работе. Существенно, что до сих пор в России не было ни одного лингвистического исследования по данной теме, хотя мысли о необходимости обращения к ней высказывались уже давно (ср. [Топоров 1983]). С целью заполнения указанных лакун и была создана эта работа.

Исследование крымско-готского языка находится в рамках общей проблематики изучения древнегерманских реликтовых языков (ср. [Germanische Rest- und Trümmersprachen, 1989, Ганина 2006, Ганина 2008]). Интерпретация древнегерманских лексических реликтов не как разрозненных осколков, но как значительных свидетельств, в своей совокупности образующих целую сферу лингвистических и исторических фактов, в настоящее время получила общее признание в науке, а исследование древнегерманских реликтовых языков принадлежит к перспективным направлениям германистики. Крымско-готский — во всех смыслах реликтовый язык. Прежде всего, он известен в единственной и весьма специфической письменной фиксации. Далее, он совершил уникальный исторический путь от проникновения германцев в Северное Причерноморье в конце III в. до письменной фиксации в XVI в. И наконец, этот язык оказался неожиданно устойчивым и бытовал в качестве реликтового даже в позднюю эпоху. Крымско-готский материал имеет большое значение как в собственном смысле, так и во многих прикладных аспектах: в целях исследования германских древностей, наблюдений над бытованием древнегерманского языка в нетипичном окружении, равно как и для выяснения обстоятельств пребывания германцев в Крыму и особенностей этнокультурной ситуации в этом регионе.

Автор приносит глубокую благодарность д.ф.н. профессору Е. Р. Сквайрс (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, кафедра германской и кельтской филологии), старшему научному сотруднику ИМЛИ РАН к.ф.н. М. Р. Ненароковой и свящ. Н. Ненарокову за предоставление ряда ценных материалов и неизменную поддержку в работе и руководителю Центра германо-славянских исследований Института славяноведения РАН д.ф.н. Ф. Б. Успенскому за деятельное участие в издании книги. Особая благодарность Отделу редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова и заведующей ОРКиР И. Л. Великодной за любезное разрешение фотографирования редких изданий.

ГЛАВА 1.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В КРЫМУ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1.1. Археологические данные

1.1.1. Проблемы археологии Крымской Готии

В настоящее время наука пополнилась рядом трудов по археологии раннесредневекового Крыма в целом и по готской проблеме в частности [Пиоро 1990, Айбабин 1999, Харитонов 2004, Щукин 2005]. Общие оценки «готского следа» в Крыму колеблются от позитивных [Пиоро 1990] до весьма сдержанных [Айбабин 1999, Харитонов 2004]. Исследователи отмечают парадоксальное несоответствие многочисленных сведений о Крымской Готии и крымских готах в средневековых письменных источниках (см. 1.2) и скудных археологических материалов [Харитонов 2004, 6, Щукин 2005, 420]. А. В. Харитонов считает даже, что последние не содержат свидетельств о сколько-нибудь значительном присутствии готов в Крыму в средневековую эпоху [Харитонов 2004, 6]. Однако в осмыслении М. Б. Щукина проблема предстает более многогранной, причем важно, что археолог-практик с огромным опытом не только знает соответствующие находки и работы, но и может дать им адекватную оценку. Потому следующий археологический экскурс опирается на положения его капитального труда [Щукин 2005].

Присутствие готов в Крыму археологически прослеживается на V–VIII в. по Р. Х. В целой серии крупных могильников типа Суук-Су — Лучистое имеются женские захоронения в «готском» костюме с парой огромных серебряных двупластинчатых фибул с пальметками у основания пластин или с пальчатыми фибулами на плечах, в платье, стянутом широким поясом с массивной серебряной пряжкой или квадратной обкладкой (иногда с христианскими сюжетами), или с так называемыми орлиноголовыми пряжками, с серьгами, украшенными полиэдрической бусиной, со вставками камней. По оценке М. Б. Щукина, это в целом соответствует обычаям вестготов Толедского государства, остготов Италии времен Теодориха, остготов и гепидов Среднего Подунавья [Щукин 2005, 420–421].

Но — и в этом исследователь видит основную археологическую проблему — обряд погребения здесь иной, не встречающийся в Западной Европе.